

18+

Ольга Володинская

Догоняя
время

Ольга Володинская

Догоняя время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51140318

ISBN 9785449824103

Аннотация

Как стать счастливым? Как жить легко и радостно? Почему с нами случаются неприятные и трагические события? В чем, вообще, смысл жизни? Эти и другие вопросы в тот или иной момент своей жизни задает себе любой человек. Эта книга – совсем не исследование на эту тему. Это лирическая и фантастическая история, прочитав которую, вы на многое посмотрите другими глазами. А невероятные и захватывающие приключения, которые случаются с ее героями, вполне могут стать возможными и в вашей жизни.

Содержание

Предисловие	5
В память о Борисе К.	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Догоняя время

Ольга Володинская

© Ольга Володинская, 2020

ISBN 978-5-4498-2410-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сейчас принято непременно писать предисловие к книгам. В нем автор обычно рассказывает о событиях, предшествующих появлению своего произведения, выражает благодарности, дает какие-то пояснения.

Не будем и мы отступать от этой традиции, тем более что предыстория есть и у этой книги, как есть и стечение обстоятельств, и события, которые привели к появлению замысла, трудному и долгому его вынашиванию, а потом и к воплощению. И вот, результат – перед вами.

Конечно, есть и те люди, которых хочется поблагодарить. Прежде всего, это моя семья и мои близкие, мои добрые друзья и подруги, словом, все те, кто вдохновлял меня писать, неизменно веря в меня и поддерживая. Инна и Ольга, Любовь и Александр, Олег и Елена, Марина и Татьяна, искренне благодарю и вас за это!

Говорят, у каждой книги – своя судьба, которая во многом зависит от аудитории, а значит, от вас, дорогие читатели.

В память о Борисе К.

Глава 1

Мила сидела за столом. Ее пальцы быстро набирали текст на клавиатуре ноутбука. Поставив точку, она с удовольствием, до хруста потянулась, подняв руки вверх, и сладко зевнула.

– Ну, наконец-то, все закончено, – довольно пробормотала она, взъерошивая свой по-мальчишески короткий затылок.

Прежде чем начать проверять набранный текст, Мила решила передохнуть и просто побродить по интернету. Она листала разные новости, открывала страницу за страницей, как вдруг ее глаза наткнулись на знакомое имя.

– Ой, – удивленно воскликнула она, – что это? – Мила два раза щелкнула по заинтересовавшему ее сообщению.

«От нас ушел настоящий друг, светлый замечательный человек, прекрасный специалист, директор нашего института, – напряженно вчитывалась она, – всех нас постигла ужасная утрата... Безвременная кончина, этот неожиданный, а потому такой болезненный для всех нас уход из жизни... Глеб Борисович всегда заражал всех своим жизнелюбием и оптимизмом. Он обладал энциклопедическими знаниями и мог легко ответить на любой вопрос... Ученый с мировым именем, ведущий специалист в области биотехноло-

гий...», – было написано на странице одного из сайтов.

– Не может быть! – вскричала Мила. – Как же так?! Вероятно, это все-таки не о нем? Хотя нет, ясно же написано – Глеб Борисович Ковалев, директор института биотехнологии Академии наук. Да тут и фото есть. Правда, его с трудом можно узнать – так он изменился. Не мудрено за столько-то лет! Но глаза все те же. И улыбка. Нет, не может быть! Что же с ним такое случилось? Написано: скоропостижно скончался, и уже больше года назад! – изумленно воскликнула Мила, никак не желая принимать ошеломившую ее новость.

Она вскочила из-за стола, схватившись за голову, налила себе воды и залпом осушила стакан. Минут десять Мила быстрыми шагами ходила из угла в угол, потом обессиленно опустилась в кресло и горько заплакала.

– Ведь еще совсем недавно я нашла его. Нашла в социальной сети и завела переписку после стольких лет полного забвения и неизвестности, – всхлипывала Мила, водя мышкой в поисках знакомого профиля в социальной сети. – А, вот и она, эта переписка!

– Глеб, привет! Написала два слова и не знаю, что написать вслед за ними. Все будет или слишком пафосно, или натянуто. Слова роятся, напрыгивают друг на друга, как льдины весной на реке, сбиваются в какой-то хаотичный ритм. Поэтому начну сначала. Привет, Глеб! Это Мила. Мила Столетова. Если ты помнишь, когда-то давным-давно (иногда кажется, что в прошлой жизни) наши родители дружили, ну

и мы немножко общались, – писала Мила, втайне веря, что, конечно же, Глеб хорошо помнит ее.– На этой фотографии в сети, где ты держишь большую рыбину, я бы тебя ни за что не узнала. Рада, если у тебя все хорошо. И еще я очень рада тому, что увидела тебя в этой социальной сети, наконец-то. Я всегда хотела сказать, что очень благодарна тебе, потому что все, чего я смогла добиться в жизни, и то, что я теперь из себя представляю, – это все благодаря тебе. Я буду счастлива, если ты откликнешься.

– Мила, привет, конечно же, я тебя помню. Приятно, если действительно в чем-то помог тебе. Хотя это вряд ли моя заслуга – человек обычно всего добивается в жизни сам. Но все равно спасибо за добрые слова, – писал в ответ Глеб.

– Да, добивается человек сам, только вот, что им движет... – продолжала переписку Мила.– Не исчезай, расскажи, как ты, чем занимаешься, как поживаешь. Как твои мама, сестра? Судя по фотографиям, у тебя разнообразная география путешествий. Ты был на Таймыре. А еще где? Расскажи про Таймыр. Не сердись на меня. Я знаю, что была та еще дурында. Глупая. Но ведь прошло столько лет – целая жизнь... Одним словом, если можешь, не пропадай, пожалуйста!

– Совсем не глупая ты была. Просто наивная, восторженная, романтическая, ранимая. Я рад тебе. Очень рад. Спасибо еще раз за хорошие слова.

«Спасибо за хорошие слова»... – грустно произнесла Мила, отводя взгляд от монитора. – Знал бы ты, Глебушка, сколько я сказала их тебе за эти годы. Тогда, много-много лет назад твое письмо перевернуло всю мою жизнь. Это было правильно и хорошо, что так все получилось. Для меня той, семнадцатилетней. Вероятно, именно это и было мне в ту пору нужно. Ты, как следует, встряхнул меня тогда, прочистил мне мозги, поставил все на свои места. Но в тот момент моей жизни твое письмо меня просто ослепило, ошеломило, убило – все сразу. Мне казалось, что жизнь моя раскололась на тысячи осколков, разлетевшихся в разные стороны, и каждый осколок зажил своей жизнью. Я и сама была тогда, как один из них, колючая, острая... Металась из стороны в сторону, наделала много глупостей. Я не могла, ну, просто никак не могла смириться с тем, что ты навсегда исчез из моей жизни. С тем, что ты был так резок, предвзят, категоричен. С тем, что ты меня совсем не понял. Вернее понял все совершенно наоборот! Я, вероятнее всего, чем-то разочаровала тебя. Да, именно разочаровала. Может быть, показалась легкомысленной, пессимистичной, ноющей, избалованной. А ты ведь был идеалистом. Во всем. А я до идеала не дотянула. И еще эти твои слова: «читай фантастику, может, это тебе поможет». Как будто я была абсолютно безнадежна и невежественна, и вот только фантастика могла бы сдвинуть меня с места и превратить в человека. А без этого я – никто и ничто. А на самом-то деле мне просто было

очень плохо, бесконечно одиноко и тоскливо. Непривычная для меня среда, неприятие родственниками, у которых жила и которые, по сути, были мне чужими, причем по причинам, имеющим ко мне лишь самое малое отношение, глубокое ошеломляющее одиночество, смятение, разочарование – взросление, одним словом. Я впервые оказалась одна, вне дома, без родителей и без близких людей в непривычной обстановке, в чужом городе, который казался мне диким, захолустным, злым, неприветливым. Это как цветок пересадить и забыть полить – выживет, если захочет. Переносить все, происходящее тогда в моей жизни, было сложно. Да, я жаловалась тебе. Но ты ведь сам меня приручил. Сам поощрял, чтобы я по-дружески откровенничала с тобой. Давал дельные советы. А потом ты же и упрекнул, что я совсем не поняла Маленького Принца, ищущего дружбы и любви. Так ведь и я искала того же самого! И видела такого друга в тебе! Старшего друга. Может, неумело, может, как-то не так... еще по-детски. Наивно...

Я иногда перечитываю то письмо, которое, как и несколько других, вовремя спохватившись, не предала огню бабушкиной печки. Оно вызывает у меня грустную улыбку. Нормальное письмо абсолютно взрослого человека. Да, оно было очень жестким и казалось таким несправедливым! Ты говорил, что люди, у которых нет интересов в жизни, – бесполезные, оторванные от жизни фантазеры в худшем их варианте. Ты почему-то представил, что я такая и есть: не имеющая

интересов, пасующая перед трудностями, пустая и эгоистичная особа, занятая только своими глупыми поверхностными и никчемными мечтами.

Сейчас я думаю, что ты все же не должен был брать на себя роль этакого третейского судьи, ведь я была настоящим птенцом, только-только вылупившимся из яйца, по воле обстоятельств, оказавшимся вне привычных тепличных условий. Ты должен был предположить, что я все это приму на свой счет, и что это больно ранит меня. Но ты сделал это, потому что сам был еще очень молод и, как это часто бывает, категоричен. Ты сам называл себя идеалистом, а я, вопреки твоим ожиданиям, идеалу не соответствовала, вернее, в какой-то момент перестала ему соответствовать. Что-то я явно сделала не так. Сначала я не поняла твою сказку о физике. Вернее написала тебе, что не поняла. Потом я делилась с тобой своими разочарованиями, своей грустью, смятением. А на самом-то деле я просто испугалась своих открытий. Испугалась признаться тебе в том, что мне тогда стало ясно. Позже оказалось, что я почти не читаю фантастику, мало знаю Грина, Брета Гарта, Рэя Брэдбери, Ричарда Баха и другую литературу, которую прекрасно знал ты. Но ведь ты был намного старше меня, жил в столице, учился в серьезном институте. Да и потом – у людей могут быть разные интересы. Вот и у меня были другие. Все так... Но только почему ты представил, что я такая дремучая и черствая, почему ты решил, что я хочу только брать, никому ничего не отдавая взамен?

Какой повод я дала тебе для этого? **именно**

В моей голове все перепуталось тогда. Я столько всего передумала, так всем этим перемучивалась! Мне так хотелось объяснить тебе, что я не такая уж плохая и совсем не так ты понял мои жалобы, совсем не то придал им значение! Вновь и вновь на протяжении многих лет я возвращалась к своему воображаемому диалогу с тобой. Я же просто влюбилась в тебя и из-за своей природной стеснительности, неуверенности, боязни быть отвергнутой была слишком зажатой, невпопад смеялась или говорила что-то не то, ужасно боясь тебя разочаровать. Я не знала, как себя вести, не умела. Но мне очень хотелось произвести хорошее впечатление, понравиться. Я только-только начала доверять тебе, открываться, не страшась быть самой собой. Ты был старше меня, но ничего этого так и не понял. Твои слова жгли меня тогда, как пощечины, и я не могла ничего ответить тебе на них. Обида и горе от несправедливости, безысходности и от неотвратимости этой потери захлестнули меня с головой, уязвленные гордость, самолюбие не давали мне возможности мыслить спокойно и рассудительно. Да, это было ужасно и так безнадежно! Но, думаю, все произошедшее в итоге пошло мне на пользу. Несмотря на те ошибки, которые я совершила и которые определили потом всю мою последующую жизнь. Кстати, а где же твои письма? Я ведь их всегда хранила.

Мила лихорадочно схватила сначала стул, потом, передум-

мав, небольшую лесенку и полезла на антресоли. Прошло столько лет, а у нее так и не хватило духу выбросить, казалось бы, ненужные старые бумаги.

– Так, это не то, это какие-то древние уже школьные записки, а... вот и заветная пачечка, перевязанная по-девичьи лентой, как водится.

Мила опустилась прямо на ступеньку лесенки и раскрыла первое письмо....

«Прежде чем читать это письмо, вообрази такую картину: полночь. Я сижу за письменным столом. За окнами сырая темнота, – писал Глеб.– Изредка проносятся машины, тогда слышен приглушенный рокот мотора и шелест шин о мокрый асфальт. Лампа отбрасывает круг мягкого желтого света, за которым все тонет в загадочной полумгле. Тихо тикают часы – ночью время особенное. Во всем доме стоит тишина и от этого в комнате хорошо и уютно. Лампа вырезает из темноты меня и стопку чистой бумаги, которая лежит передо мной и ждет, что я на ней напишу. А написать хочется что-то теплое и грустное....

Жил-был на свете физик. Физиком он был в настоящей жизни, в школе, потом в институте. Но была у физика вторая жизнь, ненастоящая. Эту вторую жизнь он придумал себе сам. В этой второй жизни была у него его страна. Это была странная страна. Если бы в нее попал другой человек, он бы очень удивился и стал бы, наверное, смеяться над физиком,

поэтому физик никого в эту страну не пускал. В этой стране жили странные люди, понамешанные изо всех книг, которые читал физик. Здесь были и мушкетеры, и тень отца Гамлета, и тургеневские девушки, которые непременно находили своих избранников, достойных и благородных, и гриневские смелые добрые люди. Здесь можно было увидеть все, но видеть это мог один физик, потому что некому было уходить с ним в эту страну. Время шло. В настоящей жизни физик ходил в школу, учился и занимался общественной работой. Как-то раз к нему заглянула Любовь. Наверное, она очень спешила, ведь в настоящем городе, где жил физик, жило очень много людей, и она очень торопилась по своим делам. Так или иначе, но в спешке она что-то напутала или забыла сделать и убежала. С этого времени физик начал замечать что-то неладное. Его страна не хотела с ним расставаться и приходила к нему на уроках в школе, на прогулке и – уже совсем плохо – в большой компании, когда рядом разговаривало и веселилось много народу. Тогда физику делали замечание, посмеивались. Однажды ему показалось, что среди людей, окружавших его, мелькнуло чье-то смутно знакомое лицо... И ему вдруг почудилось...

Получается очень плохо, но хуже всего то, что настроение от неудачи портится, и слова получаются какие-то корявые и неотесанные. Вот один листок я уже смял и выбросил. Плохой из меня писатель.

Ну, ладно, посмотри, что выйдет и скажи, как оно. Пиши,

засыпай письмами. Очень жду».

Глава 2

Вволю наплакавшись, Мила не заметила, как уснула в кресле, где устроилась для воспоминаний, держа в руке исписанные аккуратным, мелким, словно бисерным почерком листки.

Через некоторое время ее лица коснулся легкий прохладный ветерок, пошевелил волосы и тем нарушил ее беспокойный чуткий сон. Мила открыла глаза. Прямо напротив нее, прислонившись к косяку, стоял Глеб, живой и невредимый. Такой, каким она его помнила. В синих джинсах и темно-красном джемпере с клетчатым воротничком. Он внимательно смотрел на нее.

От неожиданности и изумления Мила не могла ни пошевелиться, ни оторвать взгляд от этого видения. Руки и ноги сделались тяжелыми, будто налились свинцом. Сердце перешло на галоп, изредка делая едва заметную остановку, отчето тут же перехватывало дыхание. Голова у Милы слегка закружилась.

– Ты... как здесь оказался? И почему? Ты же...

– Не пугайся, – поспешил успокоить ее Глеб, – не волнуйся, пожалуйста! Я просто не хочу, чтобы ты так переживала о том, что уже давно ушло. Поэтому и здесь.

– Но как? Я не понимаю. Может, ты мне снишься? – то-

ропливо говорила Мила, стараясь ущипнуть самое себя. Она почувствовала боль и поморщилась.

– Нет, я тебе не снюсь. И я не призрак. Ты можешь подойти и потрогать меня. Смотри, у меня и отражение есть. Видишь? – сказал, усмехаясь, Глеб, подходя к шкафу с посудой, в котором была зеркальная задняя стенка.

– Я ничего не понимаю, – начала нервничать Мила. – Я ясно читала о тебе в интернете. И потом – почему ты молодой?

Глеб засмеялся.

– Это долгая история. Ты просто забыла, где я работал и чем занимался. Ты не придавала этому значения. Ведь так? Но ты на себя посмотри... Думаю, тебе будет приятно.

– Ну, честно говоря, я вообще далека и от молекулярной биологии, которую ты изучал, от всех этих биотехнологий и от всего того, что с ними связано. И конечно, ты прав, увидев тебя, я об этом не подумала.

– И фантастику так и не читала...

– Да что ты с этой фантастикой... – досадливо нахмурилась Мила. – У меня и без нее с воображением все в порядке.

– Но тебя же удивило мое появление и мой вид?

– Да, удивило. Но я пока еще об этом всерьез не думала. И тебя бы удивило, я предполагаю, если бы ты прочел, что кто-то умер, а он вдруг перед тобой предстал, как живой. Спустя почти полтора года. Тем более в таком виде – каким я тебя помню еще с молодости. И потом – все я чи-

тала: и Стругацких, и Казанцева, и Ларионову с ее «Леопардом», и Ричарда Баха, естественно, и Брэдбери. Да много чего еще... Вон они на полках все стоят – книги, которые стали любимыми.

– Да, библиотека у тебя знатная. Ну, ладно-ладно, не заводись. Это действительно не совсем обычно. Ты права.

– Я поняла: ты каким-то образом себя клонировал? – догадалась Мила. – Ты – как овечка Долли?

– Ну, вот, обрела-таки способность соображать. Нет, не совсем, как овечка Долли. Это уже в полном смысле – прошлый век. Наука ушла далеко вперед. Причем очень быстро. Ты в зеркало на себя не хочешь посмотреть?

Мила подошла к зеркалу и, изредка опасливо оглядываясь на Глеба, заглянула туда. Отражение в нем совершенно ошеломило: на нее удивленно смотрело ее же собственное лицо, только очень юное. Каштановые волосы мягкими волнами опускались на плечи. Совсем, как в молодости. Она даже в первую минуту не узнала себя, лишь охнула, машинальным и привычным движением заправила непослушные пряди за уши и прижала руки к щекам, которые вдруг вспыхнули и сделались мгновенно горячими, как чашка с только что налитым чаем.

– Боже мой, что это?! Как это может быть?! Неужели это я?! Ладно, не знаю, как там и что, – заговорила Мила, когда прошел первый шок, – но я очень рада тебя видеть! Даже, если ты мне снишься. Знаешь, я ведь каждый свой шаг в жиз-

ни «обговаривала» с тобой, я старалась делать все так, чтобы тебе не было стыдно за меня, если бы ты был близко. Я все время подсознательно хотела доказать тебе, что была достойна твоего внимания. Что ты ошибался в отношении меня. Еще как ошибался! Я только что думала об этом, перед тем, как заснуть с твоим письмом, – взволнованно и торопливо, словно боясь не успеть, заговорила Мила. – Ты был моим маяком, яркой вспышкой, озарившей всю мою жизнь, и я очень благодарна тебе за это. В свои семнадцать лет я была страшно глупой, многого не понимала из того, что, казалось бы, уже должна была понимать, многому не придавала значения, но тебя я почти боготворила, ты мне казался самым, самым, самым во всем. Конечно, многое я, наверное, напридумывала, нафантазировала, будучи девицей, не лишенной романтических бредней, отсюда и такая вселенская трагедия, которая тогда меня настигла. Книжек слишком много читала, как утверждал один мой знакомый. Прости, может, и зря я тебе все это говорю сейчас... Тем более так сумбурно. Но твое внезапное появление здесь и сейчас... Можешь вновь предать меня забвению. Но, честное слово, очень не хочется. Откровенно говоря, я мечтала с тобой увидеться... И ужасно рада, что это произошло. Даже если это все-таки сон, бред, и ты больше не появишься передо мной. Но расскажи все же, как ты жил? Как все у тебя сложилось? Пока ты не исчез, не ушел, – сбивчиво продолжала она, удивляясь этому неожиданному видению.

– Бедная ты моя девочка, – сокрушаясь, сказал Глеб, и погладил Милу по голове, – как я, оказывается, обидел, как сильно ранил тебя. Прости! Пожалуйста, прости меня! Я не думал, не чувствовал, что ты так глубоко, так самоотверженно любишь меня! А должен был...

– Да я на тебя и не сердилась никогда. Я просто не знала, как мне жить дальше, как справиться с этой безысходностью и болью, – смутившись, тихо ответила Мила, опуская глаза.

– Ладно, этого мы еще коснемся, а пока сухие ответы на твои вопросы. Я был женат, у меня две дочки, Мила и Полина. Я – доктор биологических наук, профессор, директор академического института. Был, конечно. Ты же прочла обо мне в интернете...

– Ты так спокойно об этом говоришь... о том, что был. Кстати, ты назвал свою старшую дочку моим именем? Удивил. Или, скажешь, это случайно?

– Нет, не случайно. Я чувствовал себя виноватым перед тобой за свою излишнюю жесткость, за то, что не учел твою ранимость и юность. За то, что не понял. Что бы там ни было, ты оставила неизгладимый след в моей жизни. Ты была такой светлой, чистой! Я искал тебя, переживал. Ты тогда так неожиданно исчезла. Так внезапно и так навсегда. Мучился я сильно по этому поводу.

– Ну, хотел бы, нашел. Пусть и позднее. Какой-то странный мазохизм – чувствовал вину и хотел, чтобы было постоянное напоминание об этом. Ну, ладно, об этом и правда,

после. Рассказывай дальше.

– Где был, помимо Таймыра? – улыбнулся Глеб.

– Ты что, мысли читаешь? Я об этом думала, вспоминая свое недавнее письмо тебе.

– Не только мысли. И не читаю. Просто вижу.

– Да? Странно. Сначала скажи, ты же был физиком и учился в соответствующем вузе. И вдруг – доктор биологических наук...

– В науке, как и в жизни, все взаимосвязано. В какой-то момент меня заинтересовала проблема старения. Ты же помнишь, наверное, я тебе писал тогда, давно, что на работе занимаюсь фантастикой. Это, как раз и было самое начало. Что могло быть прекраснее, чем искать решение этой проблемы для людей! Представляешь? Я всегда отлично понимал, что она, скорее всего, не будет решена при моей жизни. И наше дело продолжают другие. Тем более что мы подошли так близко к некоторым разгадкам и многого достигли, пусть порой лишь экспериментально. Все же около сорока лет этим занимались! Слишком иногда ошеломляющие результаты были от этих экспериментов. Неправдоподобные, фантастические!

– А может, зря вы влезали в Божий промысел?

– Ты хочешь сказать, что поэтому я и ушел из жизни так рано? Именно в этот момент. А как же наука? Развитие?.. Странная мысль. Или что ты хочешь сказать?

– Да нет, я ничего не хочу сказать, – пожалала плечами Мила. – Хотя ничего не бывает просто так. Без причины. И из жизни рано без причины никто не уходит. Тем более внезапно. Смотри, вот вроде бы жена у тебя, две дочки, сестра, мама, то есть женской энергии хоть отбавляй. А ведь именно она – основа жизни. Живи, купайся в ней, наслаждайся. Да еще работа приносила удовольствие. Да и увлечения были – рыбалка, телепрограммы, сценарии – тоже мощные источники. То есть энергии для жизни огромное количество, электростанция целая! Ан нет! Ушел рано в самом расцвете... Почему? Значит, этой энергии жить все же не хватало – больше отдавал, чем брал? Или остался в некоторой изоляции? Вроде бы все рядом, а тем не менее – один. Или любили мало? Я много в этом копалась, изучала и пришла к такому выводу, что болезни просто так на пустом месте не возникают, те же инфаркты, например, или внезапная смерть. Внешне у человека все в полном порядке вроде бы, а на самом деле, если глубже заглянуть... Энергии для жизни нет, стимула, какой-то мощной внутренней мотивации, что ли.

Если же говорить о развитии, то и оно важно, и наука. Только все должно быть с Божьей помощью. Может, как раз в этом дело? Может, гордыни слишком много было? Без Бога, мол, справимся, без благословения. Сами, знать, с усами... Вон чего достигли! И Бог тут не при чем.

– Да, психосоматику никто не отменял, это факт, – задумчиво ответил Глеб. – Но ведь мы работали не только над

проблемой старения, пытаясь его победить... хотя... может быть, ты в чем-то права, и доля истины в твоих словах есть, тем более что я и правда, не могу назвать себя верующим человеком. Вернее не мог, конечно, при жизни. И благословения не просил, и благодарил мало. Хотя в то же время всегда признавал наличие некоей Высшей Силы. Что касается гордыни, то если ты имеешь в данном случае в виду стремление быть лучшим, быть первым, исключительным... никого при этом не видеть и не слышать, считать, что это ты, лично ты сам всего достиг, то, может, и так, – обескураженно протянул он.

– Ладно. Что сейчас об этом. Рассказывай о своих путешествиях. Ты на них остановился...

– Не был я только в Африке и Антарктиде, – продолжил свой рассказ Глеб. – Моим хобби, как ты знаешь из моих писем, была рыбалка, я участвовал в телепередаче о ней, в том числе и как автор сценария. Потом от телевидения отошел – не было времени. Я же понимал, что сердце у меня ни к черту, значит, надо было торопиться с очередным экспериментом.

– Экспериментом?

– Да. Потом расскажу. Так вот, написал более сотни научных статей, около полусотни статей про рыбалку, более тридцати передач подготовил, одно время был даже главным редактором рыболовного журнала. Пока был на ТВ, помотался со съемками по всей стране: Астрахань, Нижний Новго-

род, Иваново, Кострома, Углич, Белое море, Камчатка, Казахстан... Фу, черт, всего не упомяну, так как передач с моим участием было больше полусотни. Одним словом, жил на полную катушку. Торопился... – ухмыльнулся Глеб. – Теперь ты про себя расскажи.

– Здорово! Это всегда была моя мечта – дальние странствия. География моих путешествий гораздо скромнее. По работе я езжу только в обожаемую мной с юности Москву, в Питер, еще более обожаемый – пореже, ну и так, по России. Много, где побывала. Часто путешествую. Тоже понемногу печаталась, снимала. Все это мне жутко интересно! И впечатлений очень много! Свободного времени катастрофически всегда не хватает, но, наверное, как все женщины, рукодельничаю, развожу цветы. Люблю фотографировать. Пожалуй, с удовольствием занималась бы этим – ездила бы по свету, фотографировала бы все вокруг... и писала бы об увиденном.

– Так за чем же дело стало?

– Ну, как-то так сложилось. Теперь уж и не к чему. Мои дети, как и твои, тоже уже взрослые. Как поживает твоя сестра? Я помню, она рисовала... Я, кстати, видела программы про рыбалку. И твое имя в титрах, – все говорила и говорила Мила. – Но все время в эфире был только ведущий, похожий на Братца Кролика. А тебя ни разу не получилось увидеть. Зато я много чего узнала о рыбалке зимой, о поклевке, о том, как лучше ловить лещей. Поразила одна бабуль-

ка, увлекающаяся подледной ловлей. Отважная! Я тоже, когда была на реке на съемках, участвовала в ловле сома. Как мне сказали, пойманный сом был не очень большой, хотя он удался примерно с меня ростом! Зато потом мы его коптили на берегу реки. Вкуснее я ничего никогда не ела.

Очень хотела всегда купить домик в деревне поблизости к какому-нибудь водоему. И чтобы рядом лес был. Тогда можно было бы и рыбачить, и за грибами, и за ягодой ходить. Хотя, конечно, моя рыбалка, больше для самосозерцания и самокопания. Для рефлексии, словом. Впрочем, маленькие карасики, которых все же удавалось поймать, жареные, ох, какие вкусные. Только теперь мне их, правда, есть жалко. Со временем домик я все же купила за городом, но и в лес, и на рыбалку выбираюсь все реже и реже. Такие вот...

– Дела-делишки? Засосало мешчанское болото, как в одном известном фильме говорилось?

– Ну, что тут скажешь. Всего понемногу. Расскажи подробней все же, чем ты занимаешься, то есть занимался.

– Да нет, ты права – и занимаюсь. Правда, по-другому. Но все же... Если ты о науке, то молекулярной биологией, геной инженерией. Кстати, я и по работе много ездил. Все зависело от текущих проектов. Как-то был на Байкале, в Улан-Удэ – ездил на научные конференции по проблемам экстремофильных микроорганизмов.

– Ой—ой—ой, даже выговорить трудно... не то, что понять.

– Это тебе только так кажется. Ты же знаешь, что не все обстоит так, как нам иной раз кажется. Вот смотри – экстремофильный – ничего тебе не напоминает? Ни на какое слово не похоже?

– Ну... на экстремальный, может быть?

– Отлично... Узнаю лингвиста... Конечно! Вот и подумай – экстремофильные микроорганизмы – это те...

– Которые живут в экстремальных условиях?

– Умница! Почти попала. Нет, правда, так и есть. Если не вдаваться в совсем уж дикие подробности. Видишь, не так уж и сложно. Ну, ладно, на чем я остановился?

– На Улан-Удэ... где конференция была по этим самым организмам.

– Ну, да... на Кубе был, там даже удалось поучаствовать в ловле тропической рыбы. Париж, Буэнос-Айрес, Барселона, Казань, Голландия, Южная Корея – все сплошь научные конференции. Так что мир посмотрел. Сестра – художник, ты права, она и в детстве хорошо рисовала. Ты мне как-то писала про диссертацию. Сама-то защитилась? Ты и про вождение писала, и про деревню. Как с этим со всем?

– Слушай, я все больше и больше завидую географии твоих поездок. Зависть на глазах приобретает сероватый оттенок. Здорово! – пошутив, перебила его Мила. – А сестренку твою действительно хорошо помню. У меня даже фотка есть, где мы вместе сидим около дома, еще совсем дети. По диссертации и правам все в порядке. Я – девушка целеустрем-

ленная. Живу в деревне. Говорю же тебе – домик все-таки прикупила и именно для жилья, а не под дачу. Да. Хотя человек я – сугубо городской, в деревне-то была один раз в институте на первом курсе – на всю жизнь хватило! Помнишь, рассказывала?

– Помню, конечно. И про быка, который за вами погнался, заставив вас бежать дистанцию с препятствиями, и про пряники, которыми можно было забивать гвозди, и про то, как вы заблудились, уйдя, черт знает куда, и про грязь по колено, и как ты, заболев, двенадцать километров пешком шла к пригородному поезду – все твои истории помню, смешные и не очень.

– Поэтому немного грустно иной раз становится. Теперешняя деревенская жизнь отличается от той, которая у меня всегда была, и я долго привыкала. Ну, потихонечку. Как в том анекдоте: наш кот сначала очень боялся пылесоса, а потом ничего, втянулся. Так и я. Сейчас в город меня и калачом жить не заманишь. Не хочу я в эти каменные джунгли. Тесно мне там. Размерчик не мой. А здесь у меня почти абсолютная свобода. Простор! Даже запахи другие. А уж виды!.. Друзья раньше спрашивали: «Ты сегодня где?». «Поеду к себе в Шушенское», – отвечала я. Они звонили и говорили: «Привет, Надежда Константиновна, а дома ли Владимир Ильич».

– На Ленина с Крупской намекали и их революционную молодость в ссылке?

– Ну, да, – рассмеялась Мила. – А потом я сказала, что переехала из Шушенского в Акатуй, поскольку посадили всякую ерунду на огороде, а она взяла и дружно выросла. Смотрю, а там уже кусты колосятся. Что это, думаю, а там баклажаны висят в огромном количестве. Короче говоря, все лето эту махину поливала, полола, перерабатывала, раздавала, в полночь заползала в дом, а в пять утра – подъем и на работу. Настоящая каторга! Говорю же – Акатуй! И не бросишь. Сначала не могла дожидаться, когда же отпуск наступит, а из отпуска хотелось скорее на работу сбежать. Вот так и живу. Сейчас, конечно, по-другому, попроще. Мобильнее. За рулем уже давно. А вообще, знаешь, время так быстро летит! Как ветер. Снова скоро наступит зима... Так вот и я бегу. Догоняя время. Но оно все равно быстрее и неумолимее. Не успеваешь оглянуться, как уже – пятница, зима, Новый год...

– А ты хочешь все изменить?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, хочешь, чтобы все стало по-другому?

– Ну, по большому счету, может, и да. Но разве это возможно? Я ведь не жалею ни о чем. Глупо жалеть. Может быть, я рассуждала бы обо всем иначе, чем сейчас думаю, если бы моя жизнь сложилась по-другому. Осознаний таких не было бы, инсайтов, как сейчас модно говорить.

– Фу! Терпеть не могу все эти инсайты, лайфхаки, ворк-

шопы, хайпы, тренды, лонгриды, хедлайнеры, лайки, мессенджи! Как будто по-русски нельзя все это произнести! Засорили наш живой язык донельзя! Скоро он совсем перестанет быть великим и могучим, – неподдельно возмущался Глеб.

– А—ха—ха, – расхохоталась Мила, – не могу сказать, что я в восторге от такой терминологии, но, что поделаешь, веление времени, не мы – такие, жизнь такая, как говорится. Так что жалеть мне ни о чем не стоит, – все еще смеясь, продолжила она, – Жизнь-то уже почти прошла. Дети выросли. Мне в этом году знаешь, сколько лет будет? Кстати, а зачем ты меня превратил в столь юную особу? Я уже не спрашиваю, как ты это сделал.

– Ну, так же нам легче общаться – мы на равных. Как будто и не было этих пролетевших лет, непониманий, обид. А как я это сделал – потом расскажу. Человеческая мысль ушла далеко вперед. Да и наука может многое. Хотя, в нашей жизни, конечно, вернуть себе молодость, да и то лишь внешнюю, можно лишь с помощью пластического хирурга и различных препаратов.

– Да уж. Иные так возвращают, что на них после этого смотреть страшно. И потом – ну, разгладили лицо и, как ты правильно сказал, внешне вроде бы все красиво, но возраст-то все равно никуда не денешь, даже если чувствуешь себя моложе, чем ты есть.

– Ну-ну, только не надо об этом. Это ведь все относительно. И на детей нечего оглядываться. Жизнь дана тебе. Ты по-

нимаешь это? Те – бе. Ты ею вполне довольна? Только без рассуждений, пожалуйста. Да или нет? Не задумывайся, – добавил Глеб, видя, как Мила нахмурила лоб и прикусила губу.– Ну? Ты счастлива? Отвечай, как на духу! – шутливо приказал Глеб.

– Скорее – нет, – после некоторого раздумья грустно покачала головой Мила.

– Ты меня очень огорчила. Как же так?!

– Ну, знаешь, как-то иногда кажется, что никому не нужна, никто по-настоящему не любит, не понимает, не ценит. И никогда, собственно, никто не любил, не понимал. Так все идет как-то по инерции, по привычке. Я многое осознала, многое переосмыслила, на многое смотрю совсем другими глазами. И поступать стараюсь не так, как я это всегда делала раньше. Но...

– Видишь ли, от родного человека всегда ожидаешь понимания, а не получая его, страдаешь. Неродные люди, как бы имеют право заблуждаться на твой счёт, это нормально, они же – другие, чужие. А вот родные... Их неприятие и непонимание и тем паче внешнее равнодушие гораздо более болезненны, – продолжил ее мысль Глеб.

– Ну да. Особенно, когда многие как-то раздраженно пытаются иной раз тебя поучать или отмахиваться, как от назойливой мухи. Детей, например, вообще раздражаешь и кажется, что только мешаешь. Лишний элемент. Чемодан без ручки – нести тяжело и выбросить жалко. Если что-то ска-

жесть – это вызывает бурю эмоций, гнев, какую-то брезгливость, пренебрежение, даже если скажешь вроде бы по делу и без навязывания своего мнения. Но ведь, если не скажешь, то тоже плохо – почему не предупредил, если знал, что может все плохо или как-то не так получиться... Короче, выходит. и так сволочь – и так сволочь, как в том анекдоте про тещу... Вкладываешь одно, а получается, вернее понимается совсем другое, иногда прямо противоположное. Забота воспринимается как назойливое авторитарное нравоучение, элементарное внимание – как грубое и навязчивое посягательство на личную свободу. Иными словами, не лезь не в свое дело! Помалкивай, знай, пока не спрашивают. Все вызывает обратную реакцию, совсем не ту, которую ты мог предположить. Остальные порой тоже либо пытаются изобразить из себя гуру и что-то такое умное изрекать, какие-то давно известные истины, либо просто вдруг становятся ужасными ханжами, моралистами и лицемерами. Собственно, не становятся, а вдруг резко проявляют это в себе. В то время, когда тебе просто плохо и нужно обыкновенное дружеское участие. И пара слов всего: ну, что ты? Ничего, мол, пройдет все, чем помочь тебе и как. Подскажи, если сама знаешь. Может, просто рядом побыть? Вот и все. Хотя, возможно, я и несправедлива... и это просто хандра, сплин, простите уж за иностранное слово, – деланно извинилась она.

– Не передергивай. И не иронизируй. Я по поводу иностранных слов. Русский язык потому – великий и могучий,

что вполне может обходиться своими силами. И без того, что ему навязывают. И навязывали. Всегда. Это самый глубокий язык, самый мудрый, древний. Только мы совсем забыли об этой его глубочайшей, я бы сказал, многовековой мудрости, о его совершенно необыкновенной образности, о его связи со всем сущим. Ведь ни одна буквица, ни одно слово в русском языке не случайны, ни один предмет, будь то рука человека или окружающий мир не назван просто так. Все в нем взаимосвязано и продумано! И нет и не было в нем никогда ни одной лишней буквы! Более того, это в иностранных языках есть слова, берущие свое происхождение из наших исконно русских слов, а совсем не наоборот, как нас всех приучили считать. А его просто обезглавили, обрезали со всех сторон, удаляя буквицы, имеющие важнейшее значение, исказив, уничтожив этим самую суть нашего живого, подчеркиваю, живого русского языка. Ведь буква – это своеобразный атом смысла, его единица, его суть. У каждой буквы была своя форма, свое начертание. За каждой буквой стоит своя цифра, свое число. Еще Пифагор утверждал, что у буквы и у цифры одинаковые вибрации! А когда открыли торсионные поля, то стало понятно, что поскольку каждая буква имеет свою форму, которая и создает это торсионное поле, то значит, буква содержит в себе некую информацию поля Высшего Сознания.

– То есть получается, что Азбука – это своеобразный числовой код?

– Можно сказать и так. Произносятся слова, мы отпускаем их в пространство, которое откликается на них, на наши вибрации. И поэтому к нам возвращается именно то, что мы туда посылаем.

– Значит, когда переделывали, перекраивали, урезали Азбуку, мы как бы отделяли себя от какой-то части общего информационного поля и этим обедняли сами себя?

– Именно. И все это постепенно ведет к деградации человека, к тому, что он не помнит и не знает, кто он и откуда, кто его предки, каков был их уклад жизни, да и много чего еще.

– Что мы и наблюдаем сейчас. Но ты сказал еще об образности языка.

– Наши предки могли с помощью слова, звука создавать образы предметов. Они передавали вибрации этого предмета своим голосом. Со временем после всех многочисленных реформ мы утратили эту вовсе немалую силу.

– М-да... немного непонятно, но в целом...

– Да, нам часто непонятно то, что мы не можем потрогать, о чем не имеем каких-то зримых доказательств. Но ведь есть и физическое объяснение влияния звуков на человека. И на окружающее пространство. Вот смотри: звук представляет собой высокочастотные колебания. Так?

– Да, с этим не поспоришь.

– Эти колебания в мозгу преобразуются в электромагнитные излучения. Кроме того, звуковая волна вызывает искривление пространства, порождая тем самым, торсионные

поля. И знаешь, что интересно? Если посмотреть спектрограмму, то можно заметить, что большей амплитудой и энергией обладают гласные звуки. Получается, что чем больше в Азбуке гласных, тем больше, и сильнее энергетика языка, а это значит, и энергетика народа, который на этом языке говорит. А теперь сравни – раньше в нашем языке было девятнадцать гласных, а сейчас?

– Десять. Это если многострадальную букву Ё считать.

– Вот-вот. Энергетика языка снизилась вдвое.

– Так вот почему занимающиеся йогой люди произносят свой известный о-о-ом!

– Ну, да. Индийские мантры содержат практически все гласные звуки. И их распевание благотворно влияет на организм. Я тебе больше скажу: каждому гласному звуку соответствует свой цвет. И вместе с этим цветом гласные влияют на внутренние органы человека, поскольку каждый орган работает на определенной частоте. И вообще, слова рождаются из наших мыслей и чувств. Какие мысли и чувства – такие и слова. И все это возвращается к нам рано или поздно.

– Как бумеранг... Я верю тебе. Ведь теперь тебе известно все. Но ты говоришь, наш язык самый-самый древний... А санскрит?

– Эх, Мила. Это такая многогранная тема. Не факт, что санскрит первичнее. Скорее – наоборот. Это вообще, по моему, один язык, если разобраться. Ведь у русского языка и у санскрита много общего. И это проявляется даже в по-

хожести многих слов. Также как в учениях славянских и индийских ведов. Я тебе опять-таки больше скажу – вспомни наши сказки. Ни один персонаж в них не случаен. Каждый несет свой глубочайший смысл, невероятную мудрость. Каким бы странным или примитивным не казался персонаж и его действия. Все эти Колобки, Репки, Курочки, несущие золотые яйца, Кощеи, Змеи Горынычи, Лешие и прочая нечисть – в них во всех совсем не детский смысл. Да, он несколько завуалирован, но все равно понятен. Если подумать хорошенько. И неслучайно настоящие сказки, без переложений разных деятелей от науки днем с огнем сейчас не найдешь. Это редкость большая.

– Без переложений? Что ты имеешь в виду?

– Ну, как что? Известно ведь, что и историю, и те же сказки, и даже Библию переписывали все, кому не лень. Стремясь подогнать все это под определенную политику, идеологию и даже просто под желания тех или иных вождей. Тем самым часто вытравляя из всех этих духовных сокровищ зерно, крупицу, самое главное, одним словом. Но это большая тема, а мы ушли в сторону. Ты говорила про хандру...

– Да. Мне иногда кажется, что я живу какой-то чужой жизнью. Не своей. Не там и не с теми. Возникает стойкое убеждение, что для многих было бы лучше, если бы тебя не было. Нет, не вообще. Иначе их чувство вины бы замучило. Поэтому пусть и была бы, но условно. Где-то... Как-то... И появля-

лась бы только в нужную кому-то минуту. И только на чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы выполнить свою миссию. Выполнила, и все, все – давай обратно. Без лишних и никому не нужных рассуждений. Не знаю, может, так и надо, так и должно быть и так правильно? Но вот это общение только по телефону или в мессенджерах, мне как-то не очень... не хватает его, словом. Но ведь это не их вина, что нет потребности в другом общении. Не их, а моя. Ну, может, не вина, конечно. А причина во мне. Вот что я имею в виду.

– Ты про детей сейчас?

– Ну, да. Про близких. И про детей. Да. Наверное, это естественно. Но знаешь, когда каждый твой вздох, каждое слово и действие видится и воспринимается исключительно по-своему, к тому же часто пренебрежительно, от этого поневоле начинаешь задыхаться. Убеждаешься в справедливости библейских слов о том, что нет пророка в своем отечестве

– Да уж... И часто у тебя такие чувства и мысли бывают?

– Да нет, нечасто. Но иногда бывают. Отгоняю их, как могу, понимаю, что нельзя давать им волю и идти у них на поводу, но порой накрывает, захлестывает. Хочется забиться в какую-нибудь нору... уехать куда-нибудь далеко-далеко. Сидеть где-нибудь на высоком холме среди сосен и смотреть на море, слушая его равномерный шум, крик чаек и следить за уходящим за горизонт солнцем, за тем, как оно тонет в морской пучине... Наверное, я все это заслужила. Все, что

сейчас получаю.

– Заслужила? Чем?

– Тем, что все в своей жизни я делала не так, не правильно. Мне казалось, что так лучше. Но это меня не оправдывает. По крайней мере, в моих собственных глазах. Я сейчас понимаю, как надо было. Но уже поздно. Все закономерно. Что посеяли, то и получаем. Закон причин и следствий.

– «Заслужила» – звучит как-то обреченно. Хотя, конечно, в чем-то ты права. Мы пожинаем то, что посеяли. Это правда. Пусть не сейчас посеяли, не сию минуту, а когда-то раньше. Но, ты права, это сделали мы сами. Но и наши близкие, и все кто нас окружает – это наши зеркала и наши учителя. Наверняка ты это понимаешь. Для этого они нам и ниспосланы, чтобы научить нас многому. И лучше поздно, чем никогда. Любой человек зеркально отражает нам то, что в нас есть плохого и что хорошего, и мы должны быть за это благодарны. А не чертыхаться по этому поводу.

– Я это понимаю. И не чертыхаюсь. Принимаю. Но как это верно! Например, дети... Они всегда были главным в моей жизни. Но в какой-то момент я поняла, что делала для них всё, что могла, и мне необходимо отсоединить их от себя, отпустить, освободить их от моего бдительного внимания и тем более контроля. Разрезать уже эту пуповину. И не вмешиваться в ход их жизни. Да, может быть, что-то подсказывать и даже советовать, но не вмешиваться и не делать ничего за них. Хотя это и очень трудно сделать. Но я понимаю те-

перь, что это такое – освобождение от привязанности и почему оно важно. Ведь моё внимание на себе, а не на них, на задачах моей собственной души освобождает их души для выполнения их собственных задач. Только как-то бы еще разобратся, чему именно они нас учат, наши близкие, что хотят отразить нам и показать.

– Да все не так уж и сложно на самом деле. Неправильное в нас или в наших мыслях и действиях. Или то, чего мы себе никак не позволяем, а надо бы, и в глубине души нам очень хотелось бы позволить. Это и отражают. Причем, как раз то, что нас больше всего в наших близких бесит, раздражает, вызывает гнев, именно это нам и отражается. Потому что именно это есть в нас самих. Именно это нам и надо понять.

– То есть?

– А то и есть – почему, думаешь, нас в ком-то что-то бесит или раздражает? Как раз потому, что это есть в нас самих. И где-то в глубине души мы это все-таки понимаем. Вот только попробуй тебе кто-нибудь об этом скажи. О! Реакция предсказуема. Признаться себе в этом также невозможно, как улететь на Луну.

– Ты хочешь сказать – то, что меня больше всего в других раздражает, есть во мне самой?!

– Конечно! Ты задумайся только об этом. Как следует, задумайся. И прежде чем твой ум возмутится, предположи, а что, если это действительно так. И все станет на свои места.

– Ничего себе открытие! Значит, если меня больше всего в людях бесит, например, хамство, значит, во мне это хамство тоже есть? Бред какой-то!

– Подожди, не горячись. Это вовсе не бред. Просто вспомни, всегда ли ты вела себя интеллигентно, правильно, сдержано, спокойно? Никогда ли ни на кого не кричала, зубками от злости не скрипела, всегда ли подбирала верные и необидные слова, не желая никого задеть? Детей, например, или еще кого-то? А?! Никогда не орала на них? Или еще на кого-нибудь... Или, может быть, когда тебе наступали в транспорте на ногу, ты лишь улыбалась в ответ и говорила, что ничего, мол, страшного, вы же не специально. Или в магазине на хамство никогда не отвечала тем же, ну, хотя бы в уме? Или за рулем? Никогда и ничего? Ну, что же ты потупилась, Мила? Я неправ?

– Прав, – тихо ответила Мила.

– Я вовсе не хочу сделать тебе больно, дорогая моя. Я просто хочу сказать...

– Я поняла. Не объясняй. Я тоже хамкой бываю, получается. Нас это бесит, потому что убивает. Убивает тем, что мы такие же, как те, кто нам не нравится... Не сильно отличаемся порой.

– Ну, примерно так. Мы и осуждаем их поэтому: чтобы в ответ получить подтверждение, что мы-то совсем другие, это не про нас, что называется.

– Ага. Одни мы хорошие, – грустно пошутила Мила.

– И это только вершина айсберга. Нас может раздражать в людях и то, что они позволяют себе нечто, чего мы не позволяем. Хотим, но по каким-то внутренним глубоким причинам не позволяем. Ну, например, кто-то лежит на диване, и тебя это бесит. Ведь ты-то работаешь, как проклятая. И не можешь себе позволить такой роскоши – поваляться на диване с книжкой. Так, может, уже стоит отдохнуть? Стоит себе это позволить? Может уже пора остановиться немного? Если будешь продолжать в том же духе, тебе поможет организм – что-то с ним произойдет такое, что заставит тебя взять передышку. Только тогда эта передышка уже будет в виде болезни, хотя бы даже элементарной простуды. Ты только не расстраивайся, – добавил Глеб, видя, как потемнело от огорчения Мишино лицо. – Тысячи и тысячи людей живут себе по инерции и не задумываются над этим. У каждого свой путь. И на чужой путь не надо оглядываться. Примеров здесь нет. Каждому – свое.

– Однажды это уже было сказано.

– Да. Фридрихом Ницше. Только интерпретировано было не всеми правильно: и сама фраза, да и во многом его взгляды – тоже. Отсюда и отношение к этой фразе, и к самому философу несколько предвзятое. Так что надо всегда думать, что говорить. Хотя по большому счету, надо и мыслей некоторых не допускать. Знаешь, по-моему, Наталья Бехтерева однажды сказала, что мысль существует отдельно от мозга. Он только улавливает ее, как антенна, из пространства и счи-

тывает... А уж она знала, о чем говорила.

– Бехтерева? Я правильно поняла, это ученый, которая занималась проблемами мозга? Это она так сказала?

– Да, она самая, профессор с мировым именем, внучка знаменито Бехтерева. Я сам удивился, когда прочел это в свое время в ее книге. Ты, вот, говоришь – кажется, что никто по-настоящему не любит. Мила, а ты сама... Ты кого-нибудь любишь? Безоглядно, просто так, ни за что.

– В самую точку! В корень зришь, что называется. Я сто раз задавала себе этот вопрос. И понимаю, что этому еще учиться и учиться. Это и есть самое главное в жизни, по-моему, – научиться любить. Несмотря ни на что, а порой и вопреки... Именно так, как ты сказал сейчас. Нам-то кажется, что, конечно, мы любим. И детей своих, и близких, и вообще – людей. А на самом деле – только критикуем их, оцениваем, осуждаем, что впрочем, почти одно и то же, и переделываем под себя. И все время чему-то учим, учим, учим... Как будто сами все-все на свете знаем. Вовремя не отпускаем, что-то не прощаем, злимся, обижаемся, ну, и все прочее.

– Я рад, что ты к этому пришла. Что не позволяешь характеру, уму взять верх, а стараешься жить душой. Это правильно. И так, безусловно, намного легче и радостнее жить. Так даже в самом беспросветном, как нам порой кажется мраке, всегда находишь светлый лучик, тот самый солнечный зайчик, который заставляет радостно зажмуриться и улыбнуться. Слушай, а может быть, ты просто устала?

– Не знаю. Может быть...

– Ну, так измени все. Или хотя бы возьми передышку. Ты же знаешь, что кроме тебя этого никто не сделает? И что ты, как и любой человек, все можешь? И ты же понимаешь, что все относительно.

– Я-то знаю, да. Теперь знаю. Но никак не могу на что-то решиться. Понимаю, что придется выходить из зоны своего собственного комфорта. Все менять... И потом... есть же еще обязательства, чувство долга, ну и вины, если хочешь. Понимаю, что вина разрушает. Что она, как ржавчина. Пытаюсь работать с этим. Даже психологию изучала, чтобы со всем разобраться. Иногда получается, а иногда... Но я стараюсь.

– Да, это все наши страхи... Мы боимся, и это понятно. Но ведь порой мы сами себя боимся. Включи свою способность к воображению. Я ведь и не спорю, что оно у тебя есть. Просто, если бы ты читала фантастику... да-да, – развел руками Глеб, видя, что Мила нахмурилась, – то тогда твоя мысль не знала бы границ. Она бы летела, и полет ее был бы прекрасен. И мечты бы тогда исполнялись! И это ведь не просто способность мечтать. Это немного другое. Помнишь, как у Брэдбери?

– Ты про его «Дзен...»? Или про «Вино из одуванчиков»? Хотя – неважно. Я понимаю, о чем ты в данном случае. Если чего-то очень сильно хочешь, то это обязательно сбудется, а если не сбудется, значит, просто недостаточно сильно хотел

и стремился. Так ведь? Но мне непонятно, что ты имеешь в виду под словами, хочу ли я все изменить.

– Ну, ладно, давай попробую тебе все объяснить.

– Нет, сначала расскажи мне подробно, как ты сюда попал и почему ты молодой. Ну, хотя бы просто популярно, учитывая, что я в этих вопросах ничего не понимаю. А потом скажи, что ты понимаешь под словами: все относительно. Ты же не для красного словца это сказал.

– Ну, что ж... Попробуем. Только давай чаю попьем. И поедим чего-нибудь. Я проголодался чертовски. У тебя в доме есть что-нибудь перекусить? Перед нашим с тобой ликбезом...

– Ты употребляешь пищу?! – открыв рот от изумления, произнесла Мила.

– Нет, ну, а как ты думаешь! Коснись меня, не бойся. Я из плоти и крови. Я человек. Хотя и не совсем обычный. И здесь я не навсегда. Совсем ненадолго.

– Ненадолго? Ты здесь из-за меня? – тихо и с удивлением спросила Мила.

– Ну, можно сказать и так. Но об этом после. Так вот, конечно, мне также нужна пища и вода, как и любому другому человеку. Ну, по крайней мере, пока я здесь, на Земле.

– Да уж... не совсем обычный человек, – пробормотала Мила. – Хорошо. Хотя ничего не понятно. Прямо, как в фильме. Только название другое: «Назад в прошлое из будущего», хотя какое будущее, о чем это я? А что ты ешь?

– Ну, хоть бутербродик с колбаской.

– Ты шутишь?

– Почти. Я – вегетарианец. Я никого не ем. Но я привык ко всему относиться без фанатизма. Поэтому, если нет пищи, которую я предпочитаю, с голоду умирать не буду и поддержу свой организм тем, что в данный момент имеется.

– Ладно. Об этом мы еще тоже поговорим, я надеюсь. Тем более что я тоже стараюсь относиться ко всему без фанатизма. И никаких гуру для себя не признаю. Слушаю, проникаюсь, но... Я сама себе гуру, так же как и каждый человек, по моему. Да, что-то мне ближе, что-то совсем не мое, во что-то глубже стараюсь вникнуть. Ко всему отношусь с уважением и принятием. Мне кажется, любой фанатизм – это беда, это причина всех разногласий и войн. Это отказ признать возможность правоты кого-то другого, да и вообще, само существование другой точки зрения! А то у нас, как часто бывает – есть две точки зрения: неправильная и моя... А на самом-то деле, как еще классики говорили – правды, как минимум, две, и у каждого она своя. Так, ну ладно. Наговоримся еще. Я тебя теперь просто так не отпущу, – решительно сказала Мила и отправилась накрывать на стол.

– У меня в холодильнике есть банка фасоли в томате. Рыбные консервы, яйца, грибы, сыр, – крикнула она из кухни.

– О, да у тебя изыски для гурмана... Яйца магазинные? – отозвался Глеб, заходя на кухню.

– Нет, но если тебя это интересует, то они без зародышей.

– Как так?

– Петуха нет, вот как! Некому зародыши эти самые заводить.

– Понятно. Тогда годятся, – улыбнулся Глеб. – Консерву отмечаем.

– Ты рыбу тоже не ешь?

– Я же сказал, я никого не ем. Странно было бы не есть мясо, но есть рыбу. Чем это она так провинилась? Это, как быть наполовину беременной. Нет уж. Если никого не ем, то действительно никого не ем. Хотя и без фанатизма, – вновь улыбнулся Глеб. – Молочко ем и все, что с ним связано, сыр там, масло, сметану, яйца инкубаторские. Но если бы ничего не было, съел бы и рыбу. Организму нужна еда, а не мои убеждения. Но у тебя и без этого огромный выбор.

– Молоко можно, говоришь?

– А почему нет? Конечно. Оно никого жизни не лишило. Наоборот! Давай я быстро сооружу чего-нибудь поесть. Просто немного помоги мне.

– Я забыла, есть замороженные продукты еще. Овощи. Точнее стручковая фасоль.

– Отлично. Сейчас у нас будет пир. Начнем с омлета. Будешь омлет?

– Конечно! Я его обожаю. Тем более твой еще ни разу не пробовала.

– Мы его сейчас со стручковой фасолью и сварганим.

– Давай, – засмеялась Мила, – варгань.

Глава 3

– Ну, рассказывай, – начала Мила, когда они поели и попили крепкий душистый чай с сушеной апельсиновой цедрой, которую Мила все время мелко нарезала и высушивала на подносе, а потом добавляла в заварку для аромата.

– Что рассказывать-то?

– Ну, все с самого начала. Почему ты здесь? Как ты сюда попал? Подробнее...

– Задачку ты мне задала. Сложно будет так рассказать, чтобы ты все поняла. И чтобы не с бухты-баракты.

– Нет, ты «отключи» ученого своего. Расскажи просто.

– Та—а—а—к, с чего же начать-то?.. Надо ведь по порядку.

– Ну, ты же сам говорил – фантастика, фантастика. Вот и расскажи, как фантастику.

– А ты поверишь?

– Тебе – да. Поверю.

– Ну, все-таки давай начнем с маленького ликбеза? Как и собирались... Обо всем понемногу. А зачем я здесь... Об этом позже. Хорошо?

– Ой, боюсь, это для меня будет сложно...

– Ничего, напряги немножко свои замечательные мозги. Считается, что мы используем свой мозг всего лишь на пять-

десять процентов. Представляешь? Всего-то... Как сказал в свое время все тот же академик Бехтерев, надо свой мозг всегда держать в тонусе. И вообще, мыслить крупномасштабно. И тогда обязательно достигнешь своей цели.

– Я попытаюсь.

– Слушай, почему ты не веришь в себя?

– В смысле? Что ты имеешь в виду?

– «Боюсь, что сложно», «Я попытаюсь», — передразнил Милу Глеб. – Я тебя очень прошу – поверь в свою уникальность, в свою ценность. И вообще, исключи из своего лексикона это слово – попытаюсь. Если кто-то пытается что-то сделать, он может продолжать пытаться всю свою жизнь. А надо делать! Делать хоть что-нибудь! А так – у тебя всегда есть причина для отговорки: вроде того, что моя попытка не увенчалась успехом. Поэтому – никаких попыток. «Я сделаю!» – вот что ты должна говорить. И никаких сомнений! Никаких: «У меня не получится». Все получится! И не позволяй никому убедить тебя в обратном. Верь в себя! Ну, ладно, давай начнем наш небольшой ликбез.

– Давай. С Эйнштейна?

– Да, пожалуй, с него. Ведь он – гений. Настоящий гений! Именно его теория перевернула представление о мире. Совершенно перевернула! Если бы Эйнштейн не сформулировал в самом начале двадцатого века специальную теорию относительности, ее бы сформулировали другие лет через пять-десять. Но...

– Подожди, как специальную теорию относительности? Есть еще и специальная? Я слышала про общую...

– Да. Но общая теория относительности – это нечто другое. Я это и хотел сказать. Именно она заложила основы современной астрономии, например. Так вот, если бы не Эйнштейн, то, боюсь, мы бы до сих пор не имели о многом ни малейшего представления. Я в этом уверен! Представь себе, что воображение ученого добралось до самых границ видимого Космоса! Именно теория относительности и открыла дверь в Космос, рассказала о пространстве и о времени, о телах, которые сжимались при движении, и о часах, стрелки которых замедлялись.

– А вот с этого места поподробнее, пожалуйста, и попонятнее.

– Будут тебе подробности. Я просто хочу, чтобы ты поняла – труды Эйнштейна положили начало изучению таких неслыханных явлений, как путешествия во времени, как черные дыры, гравитационные линзы, расширение Вселенной.

– И, к сожалению, бомбы, способные уничтожить весь мир.

– Да, и, к сожалению, бомбы. Но вместе с тем, следуя именно логике Эйнштейна, мы можем сейчас отправлять мгновенные послания на другой конец планеты, пользоваться GPS—навигацией...

– Ты хочешь сказать, что сотовая связь тоже как-то с этим

связана?

– Конечно! И не только сотовая связь. Многое и теперь выглядит для нас весьма странно и порой непостижимо, но в этом виноват лишь наш ограниченный опыт, наши стереотипы и представления. Ведь в привычном для нас мире Ньютона и Галилея каждое событие отзывается во всем пространстве, имеет для него значение, и поэтому понятие одномоментности, одновременности имеет смысл. Оно вполне обосновано. Но в мире относительности, в мире Эйнштейна такая степень согласованности абсолютно невозможна, понимаешь?

– Да уж...

– Ну, давай попробуем разобраться. Сразу тебе говорю, буду объяснять очень коротко. Если что, перебивай, задавай вопросы. Постараюсь, как можно проще. Итак, поехали!

– Ты, как Гагарин.

– Ну, что же, в каком-то смысле я тоже первооткрыватель. Так вот, Эйнштейн объяснил, что когда два объекта движутся с постоянной скоростью, следует рассматривать их движение друг относительно друга, вместо того чтобы принять один из них в качестве абсолютной системы отсчета.

– Да—а—а... Ты слишком высокого мнения о моих умственных способностях, – расстроено протянула Мила.

– Сосредоточься! Не так уж это и сложно для понимания. Еще раз: согласно Эйнштейну, во всех существующих системах отсчета, которые двигаются в отношении друг друга

с постоянной скоростью и не меняют направление, действуют одни и те же законы. Это понятно?

Мила кивнула.

– Эйнштейн вывел формулу, которая соединила в себе энергию с массой. Эта формула знакома любому школьнику, увлекающемуся физикой, да и визуально ее узнает, наверное, любой мыслящий человек, даже если не сможет объяснить. Ты ее тоже наверняка сто раз видела. Так ведь?

– Видела, видела, – нетерпеливо вновь закивала Мила.

– А сейчас внимательно послушай: согласно теории этого гениального ученого, когда скорость тела увеличивается, приближаясь к скорости света, увеличивается и его масса. То есть чем быстрее движется объект, тем тяжелее он становится. Ясно это? В случае достижения скорости света, масса тела, равно как и его энергия, становятся бесконечными. Но чем тяжелее тело, тем сложнее увеличить его скорость. Для ускорения тела с бесконечной массой требуется бесконечное количество энергии, именно поэтому материальным объектам достичь скорости света невозможно. Это как тебе?

– Понятно, – буркнула Мила, – но ведь это как раз и опрокидывает какие-то смелые фантастические предположения.

– Слава Богу, что понятно! Но подожди немного. Итак, один из принципов теории ученого – принцип скорости света, которая одинакова для всех объектов и не имеет зависимости от скорости их движения. Это высшая скорость, и ничто в природе не имеет скорость большую. Именно поэто-

му мы говорим, что «одновременность относительна». Если мы измеряем две вещи, которые должны произойти одновременно, то тот, кто движется с другой скоростью или в другом направлении, не сможет их измерить одинаково с нами. Это понятно?

– Ну, так более или менее...

– Ну, пойдем дальше, – недоверчиво вздохнул Глеб, – время и длина не являются абсолютными величинами. У нас есть часы, и мы умеем пользоваться линейкой. И нам кажется, что эти величины безусловны, то есть секунды и миллиметры должны быть одинаковы как для всех нас, так и для тех, кто обитает, скажем, на Альфа Центавре. Ведь так?

– Ну, да, думаю, именно так мы и считаем. Но судя по твоему вопросу, здесь есть какая-то засада?

– Да, ты права. Предположим, некто, пусть это будет космонавт, летает по Галактике с невероятной скоростью, быть может, со скоростью света. Ну, предположим...

– А какая, кстати, скорость света? Я забыла.

– Почти триста тысяч километров в секунду, да простят меня физики за это «почти». Так вот, если этот космонавт пронесется мимо на такой скорости, и мы сравним показания наших часов и измерительных приборов, то линейка космонавта будет меньше, а часы его будут идти медленнее. На первый взгляд, это кажется невозможным, потому что человеческий глаз просто не в состоянии замечать что-либо на такой скорости. Пока наш космонавт путешествует в Кос-

мосе, ему кажется, что ничего не меняется. Эти изменения можно заметить только в том случае, если у нас будет возможность сравнить показания приборов на Земле и в космосе. Готова слушать дальше?

– Всегда готова! – бодро заверила Мила.

– Рассуждая об этих открытиях Эйнштейна, упоминают о парадоксе близнецов.

– Что это такое?

– Ты наверняка об этом слышала или видела в каком-нибудь фантастическом фильме. Просто забыла или не придала значения. Предположим, что существуют некие братья-близнецы, один из которых живет себе где-нибудь спокойно, а другой стал космонавтом и отправляется в двадцать пять лет в Космос, где совершает свое путешествие со скоростью, близкой к скорости света. Тот самый космонавт, про которого мы только что говорили, – пошутил Глеб. – После десяти лет такого полета он возвращается на Землю. Ко времени его приземления по своим космическим часам, ну, тем, которые на его корабле, он определяет, что прошло двадцать лет. Получается, что сейчас ему сорок пять лет. Если бы он не знал теорию относительности, он бы очень удивился, увидев своего брата. Потому что на этот момент тот значительно старше.

– И какой из этого можно сделать вывод?

– А вот какой: космические путешествия на скорости, близкой к скорости света, – это путешествия во времени!

Фантасты об этом пишут книги, режиссеры снимают фильмы! Но это может быть и реальностью! – восторженно заключил Глеб.

– Значит, и сюда ты попал таким же образом, развивая скорость, выше скорости света?

– Ну, со мной немного по-другому. Это вообще покажется тебе за гранью.

– Да осознать это, честно говоря, сложно. Остается только принять. Это как вера в Бога. Его же никто не видел. Но мы в него верим... Так и здесь...

– Ну, если тебе так легче, прими, как данность, без всяких доказательств, – рассмеялся Глеб.

– Что же именно поэтому получается, что все в мире относительно?

– Не совсем. Но это долго объяснять. Да и незачем. Ты просто пойми, что специальная теория относительности Эйнштейна связывает временные промежутки и пространство. В материальной, то есть в нашей Вселенной существует три измерения пространства: вправо и влево, вперед и назад, вверх и вниз. Так ведь? А если добавить к ним другое измерение, называемое временным, то это составит основу пространственно—временного континуума.

– А, да, да, да, что-то такое я слышала, конечно.

– Конечно, слышала, иначе и быть не могло. Теперь давай пойдём дальше. Или устала?

– Нет-нет, давай, пока я настроилась.

– Хорошо, ты знаешь, за что Эйнштейн получил Нобелевскую премию?

– Ну, если честно, нет, толком не знаю. Я думала, что за теорию относительности и получил.

– Так, ладно, а такое понятие, как квантовая механика, тебе известно?

– Ну, я же не совсем дремучая. Не как Фрося Бурлакова из известного кинофильма, при всем к ней уважении... Известно, конечно. Это часть квантовой физики. Она изучает законы микромира, а не макромира, в котором мы живем. И часто совершенно невозможно представить себе, что происходит с мелкими частицами, ну, с электронами и фотонами в этом самом микромире, до того фантастичными бывают результаты. Там проводились какие-то эксперименты...

Да ты умница! Действительно, вот тебе один из примеров: если мы положим что—либо в одну из двух, допустим, коробок, то вторая останется пустой. Правильно? –

– Ну, да...

– Но это в нашем, как ты правильно сказала, макромире. А в микромире, если вместо нашего предмета, будет атом, то он может находиться одновременно в обеих коробках.

– Действительно фантастика.

– Но это на самом деле подтверждалось экспериментами. Тут ты опять права. Или, например, ты же любишь фотографировать, вот если ты фотографируешь движущийся предмет, что получится?

– Я поняла, куда ты клонишь... Да, получится как бы линия, то есть как будто предмет, допустим, машина или бегун, или еще что-то находится одновременно в разных точках пространства, в то время, как это что-то находится в одном конкретном месте.

– Правильно, – довольно рассмеялся Глеб, – Именно так. Потому что в микромире электрон находится одновременно во всех сферах точки вокруг ядра атома.

– Ну ладно, с этим разобрались. Ты говорил про Нобелевскую премию. Это тоже связано с квантовой механикой?

– Да, именно с ней и связано. Хотя, смотри, если квантовая механика – это достижение целой плеяды великолепных ученых, среди которых, кстати, и Эйнштейн, то теория относительности – это плод работы одного человека. И все же еще более важным было другое: Эйнштейн понял, что свет – это не только волна. Если поставить руку напротив свечи, то на стене будет не чёткая тень от руки, а с расплывающимися контурами, как бы волнами. Так?

– Ну, да...

– Но иногда свет ведет себя и как частица, которая излучается порциями, квантами. Но и электроны, как и свет, тоже могут иметь волновую природу, то есть могут интерферировать.

– Попрошу не выражаться... – пошутила Мила

– Вообще, чтобы это лучше понять, надо абстрагироваться от всего, что ты знаешь из классической физики. По-

тому что и теория относительности, и квантовая механика навсегда изменили те объяснения мира, которые основывались, казалось бы, на здравом смысле и на повседневных наблюдениях – одновременности, положении в пространстве или скорости. Если Ньютон превратил окружающий нас мир в часовой механизм, которым можно было управлять по желанию и в соответствии с нуждами промышленной революции, то Эйнштейн превратил нашу реальность в то пространство, где можно мечтать о невозможном. И независимо, насколько были понятны в свое время его идеи, их эхо и сейчас слышится повсюду. Так что про свои школьные знания забудь.

– Ну, я не так уж много и знаю.

– Но про корпускулярно-волновой дуализм помнишь?

– Да ты что?! Издеваешься? Понятия не имею, что это такое. Какая-то китайская грамота! Я же не на физмате училась!

– И вовсе не китайская, – рассмеялся Глеб. – Хотя и не совсем школьная программа, конечно. Ладно. Продолжаю тебе рассказывать об открытии Эйнштейна. Когда мы говорим о маленьких частицах микромира, то они могут быть одновременно и волнами, и частицами. Вот в чем весь фокус! Это сейчас мы уже точно знаем, что и свет, и электроны имеют квантовую природу, являются и волнами, и частицами одновременно. А в начале 20-го века результаты этих экспериментов были сенсацией. Поэтому Эйнштейн и был удостоен

Нобелевской премии. Ну, как, не надоело еще?

– Да нет, давай уже разберемся...

– Осталось немного. Но теперь – внимание! Объекты нашего макромира могут находиться только в одном определенном месте и в одном определенном состоянии. Это мы с тобой уже выяснили, но квантовая частица существует по своим законам. Это значит, что любая квантовая частица находится, как правило, в нескольких состояниях или в нескольких точках пространства одновременно. Вот так-то! И это тоже экспериментально доказано. Нам остаётся просто признать это как аксиому. А теперь еще разочек напрягись, пожалуйста. Предположим, у нас есть электрон, и летит он себе в неопределённом состоянии, вектор его направлен и вверх, и вниз одновременно. Но нам надо измерить его состояние. Не вдумывайся, просто послушай! Вот тут неизбежно возникает вопрос: до измерения ведь у электрона не было какого-то конкретного направления, так? Летел он себе в пространстве и летел, Бог знает куда. Он ведь был во всех состояниях одновременно? В этом-то и заключается сенсация квантовой механики! Этакая ее своеобразная фишка!

– Поясни... потому что я ничего не поняла.

– Поясняю – пока мы не измеряем состояние квантового объекта, он может вращаться в любую сторону, иметь любое направление вектора, ну, не буду еще больше услож-

нять. Но в момент, когда мы измерили его состояние, он как будто, подумав, принимает решение, какой вектор ему принять. Вот такой крутой и непредсказуемый этот квантовый объект – сам принимает решение о своём состоянии! И мы не можем заранее определить, каким это решение будет, когда он влетит в магнитное поле, в котором мы его измеряем. Вероятность того, что он решит иметь вектор «вверх» или «вниз» – пятьдесят на пятьдесят. Но как только он это решил – все – он находится в определённом состоянии с конкретным направлением. И причиной его решения является наше измерение и ничто другое!

– Интересно! Хотя и не совсем понятно.

– Чтобы тебе стало понятно, расскажу об одном простом и известном эксперименте. У тебя есть монетка?

– Сейчас, – ответила Мила и полезла в сумку за кошельком. – Вот!

– Раскрути ее на ребре. Раскрути, раскрути, – предложил он Миле.

– Прямо сейчас?

– Конечно, прямо сейчас. Монетка – это наш квантовый объект. Когда она крутится, мы не знаем, орел будет или решка, но как только мы решим это выяснить, то есть прихлопнем монетку ладонью, сразу все станет ясно, – сказал Глеб и действительно прихлопнул монетку рукой. – Получается, что как бы сама монетка в этот момент принимает решение – все же орел или решка. Вот и электрон примерно

также. Фантастика! Правда? Но это ещё не всё. Наконец-то, мы добрались до самого интересного.

– Ой—ой-ой!

– Есть такое понятие, как квантовая запутанность — не обращая внимания на Милин возглас, продолжал Глеб.— Оно появилось из теоретического предположения, вытекающего из уравнений квантовой механики. Оно означает вот что... « »,

– Нет, знаешь, давай иначе как-то, — перебила его Мила.— Я вот в юности и Стругацких не всегда понимала — они так писали порой, что как бы подразумевали, что я должна уже все это знать. Так и ты сейчас говоришь мне все это, как человеку подготовленному. А я же гуманитарий.

– Ох, Мила, Мила. Гуманита—а—а—рий, — протянул, передразнивая, Глеб. — Причем здесь гуманитарий ты или нет? Я и так, как для детсадовской группы рассказываю... Причем делаю это для того, чтобы ты ничему не удивлялась. А приняла как есть. Давай уж закончу. Ладно, не буду увлекаться, постараюсь попонятнее, попроще. Так вот: если две квантовые частицы оказываются взаимозависимыми, ну или как их называют, запутанными, то связь сохраняется, даже если их поместить в разные части Вселенной. Проще говоря, квантовые частицы могут быть связанными, несмотря на огромные расстояния, — пытался объяснить Глеб, видя широко и удивленно раскрытые глаза Милы.— Ну, например, по ошибке ты положила свои туфли в разные чемода-

ны. Один улетел в Турцию, другой во Владивостокили вообще, на Марс. Когда ты раскроешь свой чемодан в Турции, то сразу поймешь, что с тобой именно левый башмак, а правый – в другом месте и никак не наоборот. То есть измерение или определение состояния одной частицы влияет на состояние далеко расположенной от нее второй частицы так, как если бы расстояния между ними вообще не существовало. Так понятно объясняю? Такая связь на расстоянии кажется сверхъестественной, но она существует в действительности. И самое главное, что открытие этой квантовой запутанности в какой-то степени объясняет возможность телепортации.

– Ты хочешь сказать, что телепортация все-таки возможна?

– Конечно, голова ты моя садовая! А для чего я тебе все это так подробно рассказывал! Я, по-твоему, как здесь сейчас оказался?!

– А, значит, я все-таки правильно мыслила...

– Правильно-правильно. Ладно. Я все же тебя замучил. Давай перейдем к более практическим вопросам. Вот ты сказала, что не чувствуешь себя счастливой. А я и смотрю, что-то огонька твоего всегдашнего в глазах нет. Задор куда-то делся. И улыбка какая-то вымученная. Да и вид весь какой-то изнуренный, поникший. И чувствуешь себя наверняка не очень... Так вот. Давай попробуем поэкспериментировать. Ты сейчас попадешь в то время, в ту точку своей жизни, где ты, по-твоему, ошиблась. И сделаешь все иначе.

– Как это?

– Ну, вот так. Подумай, что именно ты бы хотела изменить. Где ты сделала неверный выбор, после которого твоя жизнь пошла совсем по-другому. Иными словами, вспомни, когда ты впервые почувствовала себя несчастной, но сбросила это ощущение или засунула его внутрь, и жила дальше. А потом просто к нему привыкла, срослась с ним. Ты попадешь в тот момент и сделаешь иначе. И можно будет посмотреть, что получится.

– Слушай, я все равно не совсем понимаю... ты предлагаешь мне пережить свою жизнь по-другому? Перезагрузку сделать, как компьютеру? Перепрощить ее, как телефон? И именно поэтому сделал меня молодой? Но если я изменю что-то в прошлом, изменится же и настоящее. Это же уже не фантастика, а постулат. Я даже уже и не спрашиваю, как ты это сделаешь, – грустно покачала головой Мила.

– Элементарно, Мила. Но к чему эти лишние вопросы? Ты просто посмотришь, что могло бы получиться. И вернешься опять в ту точку, в которой находишься сейчас. И подумаешь, что и как ты могла бы изменить в дальнейшей своей жизни. Исправить свою, так называемую ошибку. А как да что, если по-прежнему будет интересно, я тебе потом объясню.

– И что я с этими открытиями буду делать? А если я несколько раз в своей жизни делала что-то неправильно? Да нет, знаешь, я не хочу... В любом случае, мои перемены как-

то невольно заденут и других, близких мне людей. Что тогда? Нет, наверное, не стоит проводить таких экспериментов. Значит, так и должно все быть, как есть. Раз я сделала именно такой, пусть и ошибочный выбор, значит, именно это и нужно было мне... моей душе. Чтобы что-то понять важное для себя, что-то осознать, как-то себя преодолеть, чему-то научиться. Чему-то главному. Любить, например. Поэтому... Что мне даст, что это изменит, если вдруг мне понравится то, что я увижу? Или наоборот, не понравится. Конечно, может быть, если бы я не была такой глупой, сделала бы все по-другому, то, может быть, была бы с тобой... Но принесло ли бы это счастье? Тебе или мне, или нам обоим. Вот – вопрос. И как тогда быть со всеми остальными? Или это, как черновичок такой получится гипотетический? Только для чего? Нет, – решительно заключила Мила. – Пусть все остается, как есть.

– Ладно, пусть так... Неволить не буду. Тем более что во многом я с тобой согласен, – хитро прищурившись, согласился Глеб. – И потом – ты не совсем правильно меня поняла. Такой просмотр, такое проживание могло стать уроком для тебя, позволило бы многое переосмыслить и на многое взглянуть другими глазами. Сделать важные выводы. И исправить что-то сейчас. Или хотя бы думать по-иному, воспринимать свою жизнь по-другому. По крайней мере, те годы, что уже прошли. Ну, ладно, не поняла, значит, пока и не надо.

– Мне даже странно, что ты мне это предложил... Как будто опять меня испытываешь. И я вновь могу не пройти этот твой экзамен. Опять будет двойка... И все же... ну и загрузил ты меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.